

Ван Чжун снова оглядел девушку, принесшую «приказ». В ее внешности угадывались восточные черты — что было вполне объяснимо. Если Антильская империя — это какая-то альтернативная версия царской России, то на ее территории вполне могли проживать люди с востока.

Вот только глаза у девушки были не черными, что несколько ослабило ощущение «встречи земляков на чужбине».

Если приглядеться, то иссиня-черные волосы девушки не были такими уж иссиня-черными.

Кроме того, словно в противовес восточным чертам лица, фигура девушки по сравнению с фигурой Людмилы была как небо и земля.

Конечно, это в основном из-за того, что Людмила была такой пышной — да и медсестра, которая перевязывала Ван Чжуна, тоже была пышнотелой. Возможно, женщины-антилки все такие.

— Вы псалмопевец?

Девушка с сомнением посмотрела на Ван Чжуна, но, увидев его звание, тут же встала по стойке смирно и отдала честь:

— Так точно, господин подполковник! Я — Суфан Батор, последний выживший из Ронежского хора псалмопевцев.

«Батор» — это имя звучало по-монгольски. Так и есть, у этой девушки точно восточные корни!

— Вы сказали — последний выживший?

— Да. Штаб располагался в соборе, который подвергся артиллерийскому обстрелу. Хор псалмопевцев находился в соседнем здании... по крайней мере, так мне сказали. Я была прикомандирована к отряду «Священных стрел» монаха Есеменко, поэтому и уцелела.

— Когда начался обстрел, я был там. Герцога убило, весь штаб и связисты погибли. Ваши коллеги по хору, должно быть, тоже были там.

Лицо девушки омрачилось, длинные ресницы опустились, взгляд упал на пол:

— Они... надеюсь, они без мучений отошли в мир иной.

С этими словами девушка сложила пальцы в определенном жесте.

Ван Чжун раньше не обращал внимания на этот жест, думая, что это крестное знамение. Теперь же он понял, что это вовсе не крест, а перевернутый треугольник.

Хорошо, что он заметил, а то потом креститься было бы уже поздно.

В этот момент между Ван Чжуном и девушкой встал епископ Степан и произнес:

— Не будем терять времени, нужно скорее отправляться! Шепетовка находится очень далеко. Пешком идти несколько дней, да и то не факт, что дойдем!

Ван Чжун с гневом посмотрел на этого типа, который только что хотел его расстрелять, и вспомнил о странном чувстве, которое он испытывал рядом с ним... вернее, рядом с ними.

На Земле, когда только начиналась операция «Барбаросса», немцы засылали в советский тыл множество «пятых колонн» — шпионов, которые занимались диверсиями и дезорганизацией. Может быть, эти ребята тоже из их числа?

Ван Чжун вспомнил, как этот тип опасался автомата в руках Егорова.

Такая реакция... Словно он видел в Егорове врага и был настороже.

Тут Ван Чжуну пришла в голову одна идея. Он вспомнил эпизод из фильма «Брестская крепость» и решил повторить:

— Покажите ваши подметки! У нас в стране на подметках круглые противоскользящие набойки, а у просенцев — квадратные! Если вы засланный шпион, то, возможно, вашу обувь прислали из Просена!

В фильме советский офицер провернул такой трюк, чтобы разоблачить немецкого шпиона. На самом же деле набойки у них ничем не отличались.

Но немецкий шпион, решив, что упустил эту деталь, растерялся и выдал себя, после чего был схвачен и казнен.

Ван Чжун просто решил попробовать.

Епископ Степан, казалось, ничуть не смутился. Он спокойно ответил:

— Хорошо, смотрите, если хотите! Но потом я тоже посмотрю на ваши набойки!

С этими словами он уперся рукой в стол, поднял ногу и показал всем подметку.

Набойки были квадратными.

Епископ застыл.

Егоров поднял автомат и направил его на епископа:

— Объяснитесь-ка, господин епископ!

Тут псалмопевец Суфан подала голос:

— Если подумать, это странно... Епископ Степан должен быть повыше ростом. Но при этом вы очень на него похожи...

Остальные монахи тоже засомневались:

— И правда, епископ должен быть выше.

— Вы все это время были с ним вместе? — спросил Ван Чжун.

— Нет, по вашему приказу, господин граф, мы следовали за Третьим Заамурским полком в качестве головного отряда полевого госпиталя и штаба. Епископ присоединился к нам позже... Но он действительно очень похож на настоящего епископа!

Ван Чжун тоже выхватил пистолет:

— Это потому, что просенцы тщательно подбирали людей для диверсий! И, держу пари, он еще и загримировался! Эй, плесните кто-нибудь ему на лицо воды!

Егоров тут же снял флягу и сказал:

— У меня тут водка, она любой грим смое!

С этими словами он открутил крышку и сделал глоток. В тот же миг по комнате разнесся запах спирта.

Затем Егоров выплеснул все содержимое фляги на голову «епископа».

Первыми потекли брови. Черная краска, растворившись в водке, черными струйками потекла по лицу «епископа».

Внезапно «епископ Степан» схватил со стола какой-то предмет и швырнул его в Шапошникова, целясь в автомат!

К этому времени Ван Чжун уже достал пистолет. На этот раз, по сравнению с тем разом, когда он стрелял в дезертира, рука его была тверже.

Два выстрела — и движения «епископа Стефана» замедлились. Он раскинул руки и рухнул на пол.

— Вот же гад, устроил тут спектакль! — прошипел Егоров. — Так он и есть просенский шпион!

— Еще до войны мы вычислили одного просенского шпиона, — подал голос судья Шапошников. — Как раз пытали его, и тут война началась, просенские бомбардировщики начали бомбить город. Если бы не это, мы бы точно накрыли всю их агентурную сеть в Ронеже!

Ван Чжун не забыл, как этот «епископ» обменялся взглядами с этими двумя «судьями».

— Ты только что тоже целился в меня из пистолета! — заявил он. — С какой стати мне верить, что ты не такой же шпион, как он? И подумать только, ты даже не знаешь, что я в близких отношениях с наследным принцем! Очень подозрительно, крайне подозрительно.

Ван Чжун повернулся к остальным монахам:

— Эти двое судей все время были с вами?

— Нет, они присоединились к нам вместе с епископом, — ответил один из монахов и отступил в сторону, освобождая сектор обстрела, чтобы Егоров ненароком не задел его в случае чего.

Лишь Суфан все еще стояла в дверях.

Вдруг Шапошников схватил Суфан и, приставив к ее виску пистолет, закричал:

— Ни с места!

Пока он привлекал к себе всеобщее внимание, второй «судья» выхватил пистолет, похожий на «Маузер С96», и направил его на Ван Чжуна.

Хотя Суфан и была схвачена, ноги ее оставались свободными. В критический момент она изо всех сил пнула второго «судью» по руке, выбив пистолет. Пуля, выпущенная в упор, снесла с головы Ван Чжуна фуражку.

— Спокойно! — рявкнул «судья» Шапошников, сильнее прижимая пистолет к виску Суфан.

А затем он заговорил на просенском языке.

Егоров открыл огонь. Короткая очередь из автомата — и лжесудья, не успевший схватить заложницу, рухнул на пол.

Шпион, удерживающий Суфан, что-то кричал на своем языке.

Ван Чжун сделал шаг вперед:

— Успокойтесь, вам не уйти! Сдавайтесь!

Шпион расхохотался:

— Зато последнюю псалмопевца я с собой заберу! Мы слышаны о том, насколько убога ваша система радиосвязи!

По всей видимости, враг решил покончить с заложницей!

Ван Чжун, не долго думая, выкрикнул:

— Да здравствует Просенская империя!

Шпион опешил:

— Что?

Этой заминки хватило Егорову, чтобы броситься на врага. Ударом ствола автомата он отвел пистолет от виска Суфан, после чего в упор выстрелил шпиону в голову.

Череп шпиона разлетелся на куски, словно арбуз, по которому ударили кувалдой.

<http://tl.rulate.ru/book/114264/4400742>